

Сжщата вечеръ г. Гирсъ ни събщи, че императорътъ желае да ни види на утрото. И тъй въ сбота на 21 ние пакъ се упжтихме въ Фреденсборгъ, дѣто по сжщия начинъ ни закараха въ двореца и подиръ закуска ни прѣдставиха на Н. Величество. Императорътъ ни прие твърдѣ милостиво и ни разпита кой отъ дѣ е. Н. Високопрѣосвященство изрече слѣднитѣ думи:

„Государь, когда тяжкія вѣковыя страданія нашего народа сдѣлались невозможными и намъ угрожала опасность окончательно погибнуть, Твой Великій Родитель явился нашимъ Ангеломъ Спасителемъ. И тогда, Государь, Твой великій народъ кровью своею избавилъ насъ отъ гибели, даровалъ намъ новую жизнь.

Теперь, Государь, народъ нашъ переживаетъ опять тяжелыя и страшныя минуты. Не зная и не имѣя другого защитника и покровителя, кромѣ Тебя и Твоего великаго народа, народъ нашъ обращаетъ свои взоры къ Тебѣ. Онъ послалъ насъ повергнуть къ священнымъ Твоимъ стопамъ чувства его глубокой преданности и умолять Тебя не отказывать намъ и теперь въ своей защитѣ.

Положеніе, созданное берлинскимъ договоръ для обѣихъ Болгарій, было, Государь, такъ невыносимо для насъ, что болгарскій народъ видѣлъ себя вынужденнымъ сдѣлать шагъ, котораго онъ не могъ не сдѣлать, но который можетъ погубить его, если Ты, Государь, не возьмешь подъ свое покровительство дѣло нашего объединенія.

Обстоятельства таковы, Государь, что мы предпочитаемъ погибнуть, если Европа и теперь пожелаетъ наложить на насъ раздѣленіе, какъ она сдѣлала это въ Берлинѣ. Въ такомъ случаѣ вся Южная Болгарія превратится въ прахъ и пепель, и цѣлое отечество наше подвергнется опять неопишемымъ ужасамъ.

Только Ты одинъ, Государь, можешь отвратить эти несчастія отъ освобожденной русскою кровью Болгаріи, и мы къ Тебѣ припадаемъ и колѣнопреклонно умоляемъ защитить и спасти насъ. Сжался же, Государь, сжался надъ несчастнымъ болгарскимъ народомъ, не оставляй его въ эти тяжелыя для него минуты!“

Н. Величество отговори горѣ-долу както слѣдва: „Въ моихъ чувствахъ къ болгарскому народу Вы сомнѣваться не